

Брянская улица нас в Киев привела...

Александр Алексеевич Шалимов
1918-2006

Легенда советской и украинской хирургии, один из основателей украинской хирургической школы. Доктор медицинских наук, профессор, действительный член АН УССР и НАМН Украины, член международного союза хирургов. Его называли богом в хирургии, он был одним из немногих хирургов широкого профиля, сделал 40 тысяч операций. ЮНЕСКО присвоило ему звание—"Человек планеты". В Украине лишь два института названы именами хирургов, названия им дал народ еще при их жизни — это Институт Амосова и Институт Шалимова. В 2002 г., к юбилею Института Шалимова, Н.М. Амосов писал: "Институт Шалимова — замечательный украинский институт. Там делают уникальные операции. Основатель института — талантливейший хирург и достойный человек. Он развил несколько областей хирургии. Я его знаю с 1946 года. Мы вместе работали в Брянске..."

Мы познакомились с Николаем Михайловичем в Брянске более полувека назад. Представьте себе зиму сорок седьмого года, послевоенную разруху, трудный, медленный подъем народной жизни. Я уже около полугода работал в хирургическом отделении областной больницы. Жил на ее территории. И вот узнаю: к нам приезжает хирург Николай Михайлович Амосов, с фронтовым и даже московским стажем. Конечно, это было и приятно, и интересно, потому что дел в хирургии всегда невпроворот, а тут появился опытный коллега. Мы тут же встретились. Волевой, открытый, умеющий многое специалист...

Жена — Лидия Васильевна — операционная сестра. Возраст у нас примерно одинаковый: мне под тридцать, и Амосову тридцать четыре. Амосовы также поселились на территории больницы.

Довольно большое, на 100 коек хирургическое подразделение мы разделили пополам. Николай Михайлович принял заведование мужским отделением, травматологией, и, кроме того, ему вменили обязанности областного хирурга, а я стал руководить женским и урологическим отделениями. Благо я, как и он, практически все умел, да и не уставал учиться в ведущих московских клиниках. А у Амосова, в добавление к довоенному хирургическому стажу, правда, непродолжительному, была за плечами школа ведущего хирурга фронтового госпиталя, т.е. тысячи операций, универсализм. Плюс после демобилизации он некоторое время в Москве, в институте имени Н. Склифосовского - у знаменитого хирурга Сергея Сергеевича Юдина видел его операции. Но хотел хирургической самостоятельности. И поэтому оставил столицу. Только верящий в себя хирург мог так поступить. К этому времени у него уже была подана к защите кандидатская диссертация.

Оперировали мы в одной операционной, каждый на своем столе. Конечно, мы специально не присматривались к технике друг друга, но вскоре пришли к выводу, что оба, как говорится, не лыком шиты. Кстати, небольшой Брянск, наша легендарная служба, дали Киеву еще одного видного хирурга - профессора Ольгу

Матвеевну Авилову, впоследствии лауреата Государственной премии СССР.

Но процитирую Амосова: "Хирургическое отделение — 100 коек, — пишет он в воспоминаниях. — Уже есть один молодой хирург — Шалимов, Саша. Мы с ним поговорили и разделились: у меня мужчины и травматология, у него — женщины и урология... Центр жизни составляла хирургия. Что я был до Брянска? Сделал три резекции желудка, с десятков заворотов кишок... и так далее. Это по части мирной работы. Но от войны была полная свобода ориентировки в тканях и органах, смелость, выдумка вариантов. Кое-что по технике подсмотрел у Юдина и о многом прочитал в библиотеке.

Свои возможности я знаю: никогда не был блестящим рукоделом. Но хорошим — был. Саша Шалимов оперировал лучше меня".

Это лестная оценка, причем, как говорится, за глаза, дорогого стоит. Но и я могу рассказать, что еще в Брянске умел Амосов: он производил операции на желудке, кишечнике, прямой кишке и желчных путях, операции на суставах, удаление опухолей средостения и легких при раке, урологические операции. Так что в Киев приехал хирург широкого диапазона.

В отношении научного роста, а мы оба осознавали свои возможности, он был, пожалуй, "ведущим", а я "ведомым": успехи одного, освоение им новых технологий стимулировали другого, так же как и наши диссертационные драмы и испытания. Но здесь, конечно, речь не о некоем лидерстве, а о добром примере, ибо каждый шел своим абсолютно самостоятельным путем. И пусть не рядом, но параллельно.

Потом время и жребий привели нас в Украину и породнили с нею: я переехал в Харьков, где организовал Институт общей и неотложной хирургии, а Николай Михайлович — в Киев, и детище его — Институт сердечно-сосудистой хирургии — хорошо известен. Даже на маршрутках значится неформальный адрес — клиника Амосова.

Иногда мы встречались, чаще на съездах хирургов. Одна из таких встреч мне особенно запомнилась. В какой-то мере она явилась моментом истины. Это произошло в Харькове, в 1962 году. Тут проходил Всесоюзный съезд хирургов, и я как один из его организаторов от местной хирургической службы и здравоохранения организовал в программе съезда показательный операционный день. Операции начались в восемь утра, и в течение двенадцати часов я не отходил от операционных столов, продемонстрировав свою технологию выполнения ряда сложных, преимущественно реконструктивных операций: от сосудов головного мозга, операций на желудке, печени, легких, магистральных сосудах до операции на сердце с использованием аппарата искусственного кровообращения харьковской конструкции.

Николай Михайлович с интересом наблюдал за моей работой, как и ряд других хирургов, почти весь день, и это было для меня отрадно. А на следующее утро грянул гром... Академик Борис Васильевич Петровский — министр здравоохранения СССР и известный, ведущий в стране хирург на очередном заседании нашего съезда весьма негативно отозвался о моей инициативе. По его мнению, это походило на "показуху". И тут в диспут неожиданно вмешался Николай Михайлович Амосов, председательствовавший на заседании. Он

решительным образом возразил начальству, дав самую высокую оценку уровню харьковского хирургического мастерства. А по поводу выступления Б. Петровского Амосов со свойственной лишь ему смелостью и бескомпромиссностью сказал, что выдающийся московский хирург мне попросту позавидовал.

Воцарилось молчание. Вы, разумеется, понимаете, что этим поступком Николай Михайлович пролил бальзам на мою душу. Понятно, мы ни о чем не договаривались и я ни о чем его не просил, да с Амосовым это, как известно, невозможно. Но он последовал принципу: сделай что должно...

В Киеве, когда я переехал сюда, наши хирургические магистрали вновь пролегали как бы рядом, пусть и в разных плоскостях. У каждого была своя вертикальная стена. А чувство взаимной приязни и научной симпатии, объективной оценки нашего совершенно независимого продвижения вперед крепло, причем годы, прибавив мудрости и всепонимания, углубили их теплоту. И когда в январе нынешнего года отмечался мой "круглый юбилей", наверное, самым знаменательным, самым интересным и трогательным для меня в этот торжественный час в конференц-зале Института клинической и экспериментальной хирургии АМН Украины, моей киевской альма-матер, было чудесное выступление Николая Михайловича, такое искреннее, сердечное и дружеское. Только он, наверное, имел, из романтического далека молодости, основание обратиться ко мне со словами "Саша..."

Ах, как бежит время и нагоняет колесница забвенья. Но есть заповедь: "Возлюби ближнего своего, как самого себя". Не ошибусь, если скажу, именно такие чувства испытываем мы друг к другу. Когда постепенно гаснут манящие огни вокруг, нержавеющей старая дружба — один из немногих устойчивых очагов такого сияния. Помедли, помедли вечерний день... Сегодня было бы лицемерием говорить о будущем, мы не знаем и не можем знать своего завтрашнего дня. Но в наших силах сделать близкое шестое декабря праздником сердца для Николая Михайловича. И я преданно и нежно обнимаю его.

1998 г.

"Николай Амосов. Воспоминания современников"
Киев, Издательский дом "Личности", 2015